

Когда сегодня перечитываешь папские буллы, касающиеся Парижского университета, то сразу же замечаешь, как точно это истолкование. Иннокентий III, покровитель и подлинный глава зарождающегося университета, человек, которому тот более, чем королю, обязан привилегиями, обеспечившими независимость, тот же человек навязал университету первые регламенты, предназначенные для того, чтобы воспрепятствовать заблуждениям. В 1215 г. его легат Робер де Курсон запрещает преподавание физики и метафизики Аристотеля. Гонорий III способствует тому, чтобы в Париже прочно обосновались доминиканцы и францисканцы, а в 1220 г. официально рекомендует их преподавателям университета. А Григорий IX, тот самый кардинал Уголино, который через

свою креатуру, брата Илию, насильственно ввел в ордене францисканцев изучение наук и теологии, скоро так же насильно внедрит в Парижский университет нищенствующие ордены, дабы указанные науки, поставленные на службу теологии, несли христианскую истину всему миру. 7 июля 1228 г. он пишет университетским преподавателям теологии: «Захваченная у врага пленница, с которой соединился израильтянин, обрезав ей волосы и ногти, не должна была господствовать над ним, но подчиняться ему как подданная. То же самое верно и для теологической истины, которая, по-мужски господствуя над всеми прочими науками, осуществляет свою власть над ними, как дух над плотью, дабы направлять ее по верному пути и не позволить заблудиться... Наше сердце было глубоко опечалено, и мы испытали горечь, когда услышали, что некоторые из вас, раздувшись, как мехи, от духа тщеславия и следуя духу безбожной новизны, передвинули границы, обозначенные святыми Отцами: вы толкуете в смысле языческой философии священные тексты, истолкование которых было заключено святыми Отцами в точные пределы, пересекать которые — не только дерзость, но кощунство. Поступающие так действуют ради восхваления своей науки, а не ради большего блага своих слушателей; это не вероучители, не теологи, а богохульники. Они должны были бы излагать теологию в согласии с добрыми традициями, пришедшими к нам от святых Отцов, полагаться не на земное оружие, а на Бога, дабы разрушить все, что восстает против Божьей науки, и пленить любой ум через послушание Христу. Вместо этого, соблазненные всяческими чуждыми учениями, они ставят все с ног на голову и принуждают госпожу служить служанке. Другими словами, они, опираясь на земное мудрствование, приписывают природе то, что принадлежит лишь небесной благодати». Тем же преподавателям теологии тот же Григорий IX рекомендовал 13 апреля 1231 г. не делать из себя философов — *pec philosophos se ostentent*—и касаться

Часть 18.

Глава VII. Греч, и араб, влияния в XIII в. и основание университетов

300

на занятиях только таких вопросов, ответы на которые можно найти в теологических трактатах и в писаниях святых Отцов. Поэтому Григорий IX, полагая, что все науки должны стать служанками теологии, в конце концов пришел к выводу, что и изучать их христиане должны лишь в той мере, в какой науки действительно ей служат: «*Cum sapientiae sacrae paginae reliquae scientiae debeant famulari, eatenus sunt a fidelibus amplectandae, quatenus obsequi dinoscuntur beneplacitis donantis*»*.

Теперь становится понятно, что на самом деле значили упреки, которыми папы осыпали иногда Парижский университет, и похвалы, которые они ему возносили. Несмотря на